

Кирилл ЯМЩИКОВ

НОЧЬ ЭРУДИТА

Рома Декабрёв. Под синим солнцем. Роман. – М.: Альпина нон-фикшн, 2025. – 318 с.

Знаки и символы, как известно, повсюду, и пригнеть их может даже почтовый ящик, изрытый ржавью, этой священной болезнью металлов. Эдипа Маас, если спросите, подтвердит: вот и в её добропорядочный быт однажды ворвался рожок Tristero, глашатай внушительной, с кулак гегемона, конспирологии. Зачем я вообще её, бедовую, вспомнил? Да потому, что говорю о Роме Декабрёве и второй его книге, отчётливо напоминающей мне – не структурой, но характером своей торопливости, – второй роман Томаса Пинчона.

Вместо Калифорнии, правда, Тверь, и домохозяйство сбыто в угоду подёнщине. Бариста Надя вроде бы и похожа на скромную чудаковатую американку, а вроде и глубоко самостоятельна: оголённый нерв интуиции, *the unending rose*¹. Что происходит с ней в самом начале? Некто *посетитель* заводит странноватый разговор, даёт кучу чаевых и, уходя, хватает девушку за предплечье, горюдя какую-то нуарную ахинею. Этого достаточно, чтобы вскопать кротовую дыру страха, в которую Надя тотчас же и проваливается.

Оставшийся роман – мысли, гусли, ясли и прочие мыслительные непотребства, проворачиваемые то Надей, то тем самым посетителем, то стариком-романтиком, выскальзывающим из многолюдья Трёхсвятской улицы. Ожидать конвертируемой фабулы не стоит; Декабрёв остаётся внутри авантюрного черновика и пишет детали, которые и могли бы составить продолжительное гротесковое ненастье, но остаются – деталями, точками на карте вымысла, никак и ни к чему не приводящими фактоидами.

«Что может быть приятнее, чем находиться там, где всё происходит на самом деле, нет никаких иллюзий и исключений, где за понедельником закономерно следует вторник, а не снова и снова четверг: то июнь, то ночь, то падение». Этими словами Декабрёв подводит читателя к личному пониманию идеала: некоего кластерного пространства, скреплённого грёзами и психозами, искусственной кулисы, где всегда приятно и никогда отвратительно.

Пример намеренной метафизики – луна-парк из чертовски крутого сна, видеоигра, очередной проходной киноужастик от Такаси Миике, – в общем, что угодно, живущее и функционирующее лишь благодаря *правилам*.

Жизнь-то, увы, далека от ценза обязанностей и раз за разом предаёт ожидания: наденешь фуфайку, а там снегопад, мелькнёшь улыбкой, но тебя уже бьют в лицо. Непредсказуемость, дикость! Вот и получается, что пишет Декабрёв – при нарочитых авангардизмах – роман из действительной жизни, роман, отталкивающийся от правды и нервно ищущий спасения. Надя боится Кофейного Гостя и принимается за инвентаризацию всего своего прошлого; Кофейный Гость, в свою очередь, тоже боится, но исключительно *себя*.

«Страх лифтов. Страх тёмных подъездов. Страх незакрытой двери. Страх перед мужчинами. Страх перед людьми. Страх перед матерью. Страх находиться здесь одной. Я – одна. Страх ошибиться. Страх ответственности. Страх счастья. Страх конфликтов. Страх довериться кому-то или чему-то. Страх оказаться ненужной, равно как и страх оказаться нужной. Страх ржавчины. Страх зависимости. Страх независимости. Страх бессонницы, точнее, перед тем, что ржавой бесформенной массой придавливает грудь посреди ночи. Откуда им взяться? Проще ночью не спать, стоять за барной стойкой и выжидать».

¹ Бесконечная, нескончаемая роза (англ.). Устоявшийся перевод, однако, «сокровенная». Речь об одноимённом стихотворении Хорхе Луиса Борхеса, написанном в 1975 году.

Декабрёв умело выстраивает систему распознаваний: его роман мигом утверждается как постмодернистский пазл и при этом уходит несколько дальше, предлагая и грусть, и скорбь, и оздоровительное безумие; эксплуатирует привычный – теперь даже и для мейнстрима – поток сознания, но постоянно шпигует его вспышками нормальности, сюжетными оазисами, увидев которые, читатель на мгновение забудет о том, что перед ним за книга. Простыми словами – делает интересно: так, чтобы следующая страница читалась страннее предыдущей (и не разочаровывала).

Мозговая игра объяснима, считываема. Ландшафты сужаются и расширяются, дышат презрением, гонят кровь, плодят нервные окончания и контекстуальные придирки; здешняя Тверь больше напоминает живого великана, умявшего внутри себя и Надю, и Стужина (того самого Кофейного Гостя, не обременённого приличиями), но не город, предлагаемый к изучению. «Под синим солнцем» – совершенно не про урбанизм. По нему нельзя конструировать мифологию отдельного переулка; но можно погружаться и выныривать, удивляясь декабрёвскому любопытству, часто забываемой тяги к шалостям.

«Детские страхи страшнее взрослых – призраки призраков, отпечатанные в памяти местами силы и местами бессилия. Вы не можете причинить никакого вреда, но и я вам ничего сделать не могу, вы бессильны передо мной, а я бессилён перед вами, но это неравноценные бессилия. Ни двое, ни трое, ни четверо – сколько таилось их на периферии зрения? Я смотрю на Хозяйку, кто-то сидит тут же по правую руку за барной стойкой и потягивает кофе, ещё один – у двери, спрятался за газетой, парочка – в углу».

Мифопоэтика романа касается уже конкретно литературоведческих изысков: что тут мистерино? Что мениппейно? Что растрачено впустую и приобретено задарма? Декабрёв жонглирует, балуется, то сгущая краски, то разбалтывая их дурной водицей; ему очень интересна жизнь абсолютная, непререкаемая, и вот подобными набросами, эскападами он пытается её изучить, препарировать, разять на составные; а то выходит, что все мы проживаем один и тот же день, сон, страх, который учит да всё никак не выучивается.

Эдипа Маас хотела бы, но не могла жить нормально – все явления быта, сложившиеся вокруг, так или иначе призывали, сеяли кротовую дыру поиска, сомнения к *изначальному*, погружения всё глубже, всё отчаянней. Тайная схватка почтовых миров звучала бредом лишь первые минуты; но, успокоившись, Эдипа подмечала ещё один знак, и калифорнийская плавучая опера пела: вот я, родная, eat me, drink me, забудь о том, как жила прежде, ибо лжив распорядок будней, ибо невозможен маршрут усталости.

«Выкрикивается лот 49» и кончался – срывом финального уровня, заведомой недоступностью откровения; Эдипе вот-вот раскроются все козыри, но читатель их не прочтёт, потому что остановится вместе с книгой – Чингиз Коэн поднимет молоточек, и всё вокруг канет в одухотворённое небытие. Так же, заметим, кончался и набоковский роман про приглашение, от которого нельзя отказаться; Цинциннат взбирался на плаху, но тут – не ждали! – «всё расползлось, всё падало», и откуда-то звучали голоса, которые, думается, спасительны и целебны; но слышал их Цинциннат, а читатель вторил своему упорядоченному дыханию.

Ситуация, в которой обретаются герои Декабрёва, окружена не всегдашней тайной жизни (спекуляциями на тему), но самой жизнью: и сбежать из неё – ярой, грубой, пытающей страхом и удовольствием, – можно лишь в конструкт, мифологему, старательно навязанную фронду. Надя с головой ныряет в теоретические симпатии-антипатии, пожилой джентльмен всё ищет Прекрасную Даму, а Стужин карабкается по горочке любомудрия; к чему их это приведёт (да и приведёт ли) – решительно непонятно; но Декабрёв страстен, уверен и амбициозен, а потому вакантное место под солнцем – пускай и таким, извращённым, что уж поделаться, – остаётся без своего ваганта.

«Мы любим трамваи, потому что мы ненавидим трамваи. За то, как они дребезжат, их запах, кондукторов и отрывные билеты, и больше всего – за то, куда они нас везут (для этого выдираем из дорожного полотна расшатанные рельсы); мы любим находиться среди

людей, потому что мы брезгливо ненавидим толпу за её упрямую обезьянью тупость и отсутствие гигиены; мы любим одиночество, потому что боимся остаться по-настоящему одни: без близких, без друзей, без гиацинтов, без коллекции счастливых билетиков; и так со всем».

Второй роман, сам по себе испытание доверием, в случае Декабрёва кажется ещё более вызывающим опытом – потому что предлагает сборку взглядов, отсылающих ко всему сразу, желающих быть и сноской, и сноской моделью бытия. Если «Гнездо синицы», дебютный – и, как выяснилось, позже задуманный сюжетец, – занимался разработкой идеи, говорил о более частном и потому более доверительно, то «Под синим солнцем» хороводит ужасом случайности, не знает, не желает и ничему, соответственно, не учит читателя.

Надя заведённой пружинкой носится по Твери-фантазии и кутается в паутину дозволенного – чувством, бюджетом, погодой, Господином Автором; её дни повторяемы, реанимируемы, как дни беглянки Лолы, которую Том Тыквер заковал в один и тот же сон, вырваться из которого не получится, если вырывающаяся не осознает себя как бесправную сюжетную функцию, существо бумажной плоти и чернильной крови, алчущее и едва ли ропщущее.

Урок постмодерном дался роману «Под синим солнцем» крайне прихотливо – крайне на *ура*; но, пожалуй, и в нём, и предыдущем опыте Рома Декабрёв отталкивался, набирал скорость, вычерчивал ориентиры, чтобы устремиться вперёд самым непредсказуемым из способов; получается, книга, задуманная первой и не ощущающаяся таковой, претерпевает одну ей понятную ночь эрудита, приёмчиков и экстра-шалостей; а дальше нас – читателей – ждёт ошеломительный день и пересборка новой мифологемы.

Главное, чтобы пишущий не терял интереса – пускай сложного, пускай неудобного, но такого усердного и живого.